

Ольга Демиденко

Ольга Демиденко родилась в 1969 г. в городе Воркуте Республики Коми. Живёт в Сыктывкаре.

Окончила Коми государственный педагогический институт по специальности «английский и немецкий языки» (1991). Работает главным специалистом отдела литературы на иностранных языках Национальной библиотеки Республики Коми.

Выпускница Литературных курсов 2023 г.

Пишет стихи. Публиковалась в альманахах «Белый бор» (2022, 2023), «Царицын» (2023), сетевом литературном журнале «Сетевая словесность» (2023). Автор учебного пособия «Язык современных средств массовой информации на англоязычном материале» (2013) и ряда научных и научно-популярных статей, в том числе на английском языке: статья The Old, the New and the Inevitable в сборнике The Pigeon-Gram Collective (2021, Troms, Barentskult), статья «Одно слово на два языка» в альманахе «Немцы России» (2023), статья «Библиотечный подкаст: индивидуальный продукт и коллективное благо» в сборнике ««Буква и Цифра: библиотеки на пути к цифровизации» (2023).

Автор серий подкастов «Передаём сигналы прошедшего времени», «Словечки-овечки» и «Человек науке друг».

Прощание с рукавичкой

Человек в пейзаже

Я человека этого не знаю.
Но знаю пруд, и мирную скамейку,
И карпов расторопную семейку,
Кувшинистые блюдца на воде.
А по периметру – осоки братство
В кольцо затягивает водную постель,
И водомеркам славно в ней плодиться
И сразу поутру креститься
В святой серебряной водице.
Покойно тут.

А человека этого не знаю.
Зачем он здесь и был ли здесь всегда?
Заманивает пресная вода
Червлёной гладью, заумью без дна
И васнецовской третьяковской сказкой.
Хоть волком вой, хоть дурочкой сиди
На голом камне. Сиротой, поди,
Покажешься себе под облаками.
Не пей тоску, цеди её глотками.
На то и пруд.

Мой человек останется в пейзаже.
Он дорог мне. Он дорого достался,
Когда сидел один и улыбался
Юродивой нездешнею улыбкой.
Он был единственной, единственной ошибкой,
И набело его не перепишешь.
День становился краше, выше.
Хотелось бы подольше в нём остаться
И облакам блаженно улыбаться,
Но дома ждут.
До встречи, пруд.

Выйду ноги промочить по весне.
Барабанчики капли стучат.
Обещанья лета снова в цене,
И мобильники пищат у девчат.
Расползаются на март и апрель
Зимней шубы, волчьей шкуры полы.
Распеваются в полях менестрель,
И пушистым вербам почки малы.
Накануне мясоедских недель
Паства полбу ест, вконец заскучав.
Я считаю по веснушкам людей,
На капли этот текст наступав.

Питерские дворы

Нырнуть во двор и вынырнуть другим.
Макушку высек ливень-самозванец,
Влюблён. Любим. Да, кажется, любим,
Трезвее ветра и пьянее пьяниц,
Вороньим граем, чайчьим сварливым
Кликушеством, нестройным, на ловца.
Переживём и этот день скучливый.
Встряхнёт тебя за шкурку, стервеца,
Громада кирхи и смахнёт брезгливо –
А ты и рад – с булыжной мостовой
В другую подворотню подворонью.
Ты вынырнешь на свет, опять другой,
Вихры пригладишь мокрую ладонью.
А что в кармане мокрый табачок,
Так это, братец, питерские штучки.
Любить, любим, не думать ни о чём,
Играть в любовь блаженным самоучкой.
Любить, любим, ненастью вопреки...
Ну и денёк. Добраться бы до дому
С голодным ливнем наперегонки.
Она велела: ровно к полшестому.

Коробейники

Мой записной, любезный друг,
Ловец моей души,
Преломим пряничек разлук
У временной межи?
Он горек, сладок, лунолик,
Глазурные бока.
Он нам казался невелик,
Не больше пятака.
Но коробейник не шутил,
Когда товар менял.
Премного каждый заплатил,
Премного потерял.
Меняли солнце на луну,
А песню на свисток,
Потом свисток на тишину,
Луну на любисток.
И острый, пряный любисток
Хранили меж страниц
Бесценных оговорок, впрок
Подслушанных у птиц.
Меняли мы речной туман
На рыжую зарю...
Как графоману графоман
Теперь я говорю:
Мой записной, любезный друг,
Ловец моей души,
Про горький пряничек разлук
Эклогу напиши
И коробейнику в карман
Упрячь за все долги.
А нам достанется туман
И на воде круги.

Прощание с рукавичкой. Элегия

Рукавичка, душа моя, сгинувшая бессловесно и кротко в студёную пору,
Сестричка, зеркальная пара твоя, лежит на полке недвижимым немым укором.
Кто бы поднял тебя, бережно отряхнул, положил бы на колкую лапу ели!
Снегири бы слетались стайками, к тебе на постой, летели бы дни и недели.
Нрав твой пушистый, спицами укрощённый, каждой петелькой мил и угоден.
Узор твой, строгий, таинственный, верю, навеки пребудет в моде.
Всем потеряшкам, жалким, непарным скитальцам, ручным когда-то,
Будет облако крышей, другом – дождь, а ветер – медбратом.
Все потеряшки, бездомные, праздные, счастливые горе-ленивцы,
Вяжутся в долгий путь, один за другим, мелькают проворно спицы.
В тёмном лесу, рукавичка, птицы узор твой читают языческий и крамольный,
Душа моя, там на еловой ветке – тебе ведь не больно?

Муся Серебряного века

Муся, малолетний трактор, тарыхтит и видит сон:
«Улица, фонарь, аптека, газон.
Выбросили. Было страшно. Крала хлеб у голубей».
Муся, спи, сопи, забудь. Мусь, забей.
«Человеческие люди гладят шёлковый бочок».
Муся, ну какой ты трактор? Ты святой сверчок.
«Что же было, что же будет? Как так?».
Выслан нежностью во сне кошачий шаг.
Спи клубочком, тарыхти и верь мне,
Шаганэ моя ты, Муся, Шаганэ.

Зонтик – полезное существо

Зонтик – полезное существо, не пропускающее вещество,
Льющееся на головы бедовые и скамейки садовые.
Девушки не хотят быть политыми,

хотят быть пышными, взбитыми,
Лёгкими, как пыльца, слетающими с крыльца
Прямо в дождливое утро с дюжиною полутора
Трепетных мелочей, типа брелоков ключей,
Нежных помад морковных, высоких дуг надбровных,
Музыки сфер в голосах и капли духов в волосах.

У девушек бездна годных резонансов, чтобы бежать
вдоль мокрых газонов,

Мимо плаксивых витрин и тёмных сутулых спин.
Зонтикам всё равно, в аптеку или в кино.
Их распорядок дня странно заботит меня.
Зонтики не зонты. На них обитают цветы,
на них садится листва и с ними ищет родства.

Зонтикам девушки необходимы. В солнечный день они нелюдимы,
А стоит пойти дождям, распускаются здесь и там.
Им навстречу спешат зонты.
Под одним из них – ты.